

Очевидно, религиозно-философские оды Державина произвели на Духновича самое сильное впечатление, но закарпатский поэт-будитель знал и ценил все творчество своего великого учителя. Если вдумчиво прочитать его стихотворение «О придворной жизни», нельзя не заметить, что оно навеяно сатирическими одами Державина, в частности «Вельможей».

Картина придворных нравов, изобличающая лесть, притворство, пустоту, низкопоклонство и другие пороки высшей знати, аналогична в том и другом произведении. Духнович, подобно Державину, высмеивает придворного вельможу, который готов всячески унизиться, чтобы снискать милость «Властителя:

Коль господин мой смутился,
тогда я ся засмутил,
коль он плясал, веселился,
я с ним ся все веселил,
коль уныло болезновал,
я ему страстно съжалел
и хотяя боль не чувствовал,
тучею горько слезил...
Словом, я всегда ему жил,
ему спал, вставал и ел,
ему телом, духом служил,
но я его не любил!
Бо то есть став придворного,
чтобы он и свой не был,
чтобы его — покорного
Властелин видел, любил.¹³

Духнович вслед за Державиным клеймит придворных вельмож за жестокое их обращение с подчиненными и слугами.

Традиции русского классицизма продолжаютя и у младших сверстников Духновича. Например народный поэт Пряшевской Руси Александр И. Павлович, прозванный «маковицким соловьем», в своей молодости принес значительную дань этому направлению (см. его оды-послания «Духу неустрашимого ратоборца Угорской Руси А. И. Добрянскому», «Памяти Александра Васильевича Мартяка», «Памяти 3 годов мною проживших у св. Юра во Львове» и др.).

О том, как державинская муза волновала горячие сердца молодых патриотов Закарпатья, трогательно рассказывает Иван Сильвай в своем автобиографическом стихотворении «Хижина моя»: ¹⁴ «... а в особенном уголку ... самогласна лира || таит на струнах песенку из надземного мира...; || как я подрос и стал умней, || молиться учил при ней; || при ней я в первый раз от роду || склонив колени изнемог, || Державина услышав оду... || Когда же пил я Пушкина || „Фонтан Бахчисарайский“ || — им освежилась хижина, || в ней стало все по-райски».

¹³ Поэзии Александра Духновича, стр. 32—33.

¹⁴ Рукопись. (Из частного собрания автора. — Ред.).